

конница была инкорпорирована в армии средиземноморских государств. А.К. Нефедкин вслед за Ф. Шаму утверждает, что колесницы были необходимы киренцам для отражения «молниеносных набегов ливийцев, продолжавших применять колесницы в военном деле» (с. 231). Но сам автор неизменно отмечает превосходство конницы над колесничными войсками, во-первых, по боевым характеристикам (повышенная маневренность, высокие скоростные качества) и, во-вторых, с экономической точки зрения (относительно умеренные расходы на содержание). Получается, что киренцы предпочитали отражать внезапные набег врага менее подвижными и более дорогостоящими, чем уже известная им конница, колесничными войсками – ср. вывод на с. 267: «Наличие постоянных противников – ливийцев, сражающихся на упряжках, диктовало необходимость адекватного противостояния им». Но тогда не совсем ясно, почему все же конница повсеместно заменила колесницы. Видимо, понимая недостаточность предложенного объяснения, автор добавляет: «...киренцы не отказывались от использования боевых колесниц и в силу уже сложившейся военной традиции» (с. 231). Мы согласны с автором в том, что «...поскольку мы не располагаем достаточной информацией, довольно сложно объяснить консервативность в развитии военного дела у жителей Пентаполиса» (с. 267), но, думается, этот вопрос следовало рассмотреть более подробно, не ограничиваясь рамками одного абзаца.

А.К. Нефедкин представил первое в историографии специальное (и добавим – превосходно выполненное) исследование о боевых колесницах в Кирене (глава III) и о серпоносных колесницах на Востоке (главы IV и V). Но при этом автор воздержался от выделения в качестве самостоятельного объекта исследования истории военного колесничества на Кипре, аргументируя свое решение тем, что «кипрский материал ... следует рассматривать в контексте ближневосточного развития боевых колесниц» (с. 26). Однако греки Кипра едва ли могут быть запросто «пристегнуты» к ближневосточному культурному ареалу. В результате же материал по Кипру – еще одному уникальному региону, где колесницы длительное время использовались на войне, – фактически оказался рассыпанным по всей монографии. Более того, может быть, именно эта раздробленность материала помешала автору увидеть в традиции военного колесничества на Кипре не только культурное влияние Востока, но и элементы самобытности.

Отметим еще один момент. Монография содержит термины из самых разных областей знания (например, по военному делу – двушереножная линия и др., по биологии – эквид, онагр и т. д.). Автор немало сделал для того, чтобы придать своему строго научному исследованию доступный характер. Но восприятие книги еще более выиграло бы благодаря появлению небольшого словаря используемых терминов.

В заключение мы хотим вновь подчеркнуть, что рецензируемая монография – первый в историографии опыт фундаментального исследования о боевых колесницах, и мы с глубоким удовлетворением можем констатировать, что этот первый опыт оказался более чем успешным.

А.Г. Курилов

© 2003 г.

НОВЫЕ КНИГИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЮЖНОЙ АЗИИ

(*D.P.M. WEERAKKODY. Taprobanē. Ancient Sri Lanka as Known to Greeks and Romans. Tunrhout, 1997; Origin and Circulation of Foreign Coins in the Indian Ocean / Ed. O. Voparachchi and D.P.M. Weerakkody. New Delhi, 1998).*

Отношения мира античной культуры с Южной Азией, отражение Индии и Шри-Ланки в греческой и римской литературе, восточная торговля Римской империи остаются активно изучаемой тематикой как в антиковедении, так и в востоковедении. Некоторые труды по дан-

ным проблемам уже получали оценку на страницах ВДИ¹, и отрадно, что постоянно появляются новые труды, заслуживающие внимательного анализа. Основными источниками для изучения контактов Средиземноморья с Южной Азией являются письменные источники и находки монет – наиболее массового материала при археологических раскопках. Представленные ниже новые книги и посвящены рассмотрению данных античной литературы о Шри-Ланке и интерпретации южноазиатского нумизматического материала, свидетельствующего о контактах с Западом в различные эпохи.

Книга Д.П.М. Веераккоди (автора нескольких десятков статей по истории древней Шри-Ланки и ее описания в античных источниках), выпущенная в издательстве «Бреполь» в серии «Археология Индийского океана», является важным вкладом в изучение данной проблематики, а также в рассмотрение отношений Южной Азии со Средиземноморьем в целом. 19 глав монографии Веераккоди охватывают практически все вопросы, с которыми приходится сталкиваться заинтересованному исследователю. Наибольшее внимание автор уделил письменным источникам – им посвящены 14 глав, в которых рассмотрены сведения о Шри-Ланке, переданные несколькими поколениями писателей от Плиния Старшего до Космы Индикоплова. В 18–19-й главах автор приводит в оригинале соответствующие тексты с английским переводом, что также является достоинством книги: любую ссылку на источники можно легко проверить. Книга снабжена подробными индексами, все иллюстрации выполнены на высоком уровне. Одной главы, посвященной анализу нумизматического материала, недостаточно, чтобы ответить на все вопросы по монетному материалу со Шри-Ланки, но книга Д.П.М. Веераккоди, – несомненно, самый полный критический анализ письменных источников по древней истории этого острова. Нет нужды рассматривать абсолютно все выводы автора (например тот, что Шри-Ланка – действительно древний остров Тапробане, и т.д.), и чтобы не лишать читателя удовольствия от чтения этой книги, остановимся только на наиболее существенных.

Книга открывается введением, написанным одним из ведущих исследователей древней Южной Азии и ее отношений с миром античной культуры, директором Французской археологической миссии на Шри-Ланке Осмундом Бопераччи. На основе собственных раскопок (результаты которых остаются частично неопубликованными (и поэтому – интригующими) им дан краткий, но, тем не менее, очень интересный очерк отношений Шри-Ланки с другими областями. Его выводы важны для всех, кто интересуется этой сферой, так как они в значительной степени ставят под сомнение основные положения «изоляционистской» схемы древней истории Шри-Ланки, до сих пор пользующейся значительной популярностью. Так, О. Бопераччи показал, что Маннарский пролив не был единственным путем, по которому древние мореходы могли проникать на Шри-Ланку, и что еще в III в. до н.э. они имели представление о маршруте вокруг острова, а сами его отношения с материковой Индией уходят в мегалитическую эпоху, и что Шри-Ланка не может быть исключена из существовавших путей обмена теми или иными предметами или товарами. По мнению О. Бопераччи, уже во II в. до н.э. на Шри-Ланке существовали подлинные морские торговые центры на северном и западном побережьях, связанные с глубинными областями острова.

Среди проблем, поднятых во введении, О. Бопераччи выделяет как один из основных вопрос о природе торговых отношений острова с Южной Индией, а именно, вероятность их возникновения благодаря посреднической роли южноиндийских купцов в торговле греков и римлян со Шри-Ланкой. Он полагает, что основным фактором, повлиявшим на их зарождение, было нежелание торговцев, прибывавших в Южную Индию с Запада, терять время на сбор товаров со Шри-Ланки в ожидании северо-восточного муссона, дующего с ноября по март (как правило, эти торговцы прибывали в Индию в октябре с юго-западными ветрами). Они предпочитали как можно быстрее продать свои товары южноиндийским купцам и приобрести у них нужное им. Эта схема выглядит вполне разумно, но она не дает ответа на следующие вопросы: почему греки и римляне не отправлялись прямо на Шри-Ланку, если, как следует из сочинения Онесикрита (Strabo. XV. 1. 15), они знали об этом острове уже в IV в. до н.э., как и почему они оказались на Шри-Ланке начиная с IV в. н.э., когда, судя по огромному количеству римских монет, найденных на острове, римско-ланкийская торговля достигла своего пика.

¹ Бухарин М.Д. Рец. на кн.: Athens, Aden, Arikamedu. Essays on the Interrelations between India, Arabia and the Eastern Mediterranean / Ed. M.-F. Boussac, J.-F. Salles. New Delhi, 1995; Tradition and Archaeology. Early Maritime Contacts in the Indian Ocean / Ed. H.P. Ray, J.-F. Salles. New Delhi, 1996 // ВДИ. 1998. № 3. С. 222–228; он же. Средиземноморско-индийские контакты в новейшей историографии (Crossings. Early Mediterranean Contacts with India / Ed. F. De Romanis, A. Tchernia. New Delhi, 1997 // ВДИ. 1998. № 3. С. 208–215; далее – Crossings).

В I главе «Греческие и римские данные о Шри-Ланке и их исторический контекст» (с. 1–17) Д.П.М. Веераккоди обращает внимание на влияние политической и экономической истории Шри-Ланки на формирование античных представлений об острове, уровень понимания жизни его жителей. Автор монографии, как и О. Бопераччи, полагает, что у средиземноморских торговцев не было необходимости плыть прямо на Шри-Ланку для приобретения там товаров, так как они были легко доступны на южноиндийских рынках (с. 3). В таком случае это значило бы, что греки и римляне практически не имели возможности самостоятельно собирать информацию об острове. Этот вывод представляется неточным. В «Перипле Эритрейского моря» упоминаются римские торговцы, постоянно жившие в Индии (56: 18. 21–22), т.е. к середине I в. н.э. в прибрежной Южной и Западной Индии сформировались целые колонии греков и римлян, которые достаточно длительное время не покидали Индию, обслуживая прибывавших туда соотечественников. Они не могли не обладать «прямой» информацией о Шри-Ланке. Автор «Перипла Эритрейского моря» не упоминает ланкийских гаваней, но ему известны ланкийские товары, размер острова и тот факт, что жители его северной стороны вполне мирные.

Другое важное обстоятельство, отмеченное Д.П.М. Веераккоди, состоит в том, что римляне не были пассивными участниками в восточной торговле и стремились не оставлять торговые операции посредникам и местным торговцам (с. 12). По нашему мнению, это утверждение нужно связать с оставленным без ответа вопросом о факторах, способствовавших открытию прямого пути на Шри-Ланку. Можно было бы предположить, что возрастающий спрос на роскошь в Средиземноморье вел к количественному увеличению римских торговцев в Индии. В определенный момент индийские рынки перестали вмещать всех задействованных в торговых операциях с Южной Азией. Возраставший спрос на товары и новые рынки и должен был привести к освоению прямого пути на Шри-Ланку, минуя Индию. Южноиндийские посредники не могли обеспечить всех желающих нужным количеством товара, и совершенно естественно, что все прибывавшие средиземноморские негоданты самостоятельно искали дополнительные поставки на неиндийской территории. Этот процесс вполне мог занять и три столетия.

Во II главе «Греческие имена Шри-Ланки» (с. 17–27) автор рассматривает происхождение и смысл древних названий острова: Тапробане, Палайсимунду, Сиеледиба, Салике. Автор, конечно, прав, выводя название Палайсимунду из санскритского «*pā gasamudra*» («заморский»). Дискуссия о происхождении первой части этого названия – «*palai*» – могла бы быть значительно короче, если бы Д.П.М. Веераккоди обратил внимание на существование южноиндийского порта Палайпатмай, упомянутого в «Перипле Эритрейского моря» (53: 17. 23).

В III главе «Древнейшие греческие сведения о Шри-Ланке» (с. 27–42) анализируются данные эллинистической поры вплоть до эпохи Принципатата. Автор продолжает дискуссию о названиях Шри-Ланки и наименовании ее жителей в то время. Центр его внимания – название *Palaeogonos*, упомянутое Мегасфеном (Plin. NH. 6. 81). Все предыдущие версии – «приверженцы священной доктрины», «деревенские жители», «древние Наги», «люди с другой стороны», «люди из-за моря» кажутся Веераккоди неубедительными (с. 34–35). Сам он предпочитает трактовать это название в связи с информацией Мегасфена о ланкийских долгожителях и переводит его «*full of years*». Однако можно предположить, что *Palaeogonos* является греческим переводом местного названия: за исключением топонимов, Мегасфен не следовал «фонетической» передаче местных слов, понятий, идей, но стремился дать перевод их названий: *gā jaś ā bha* – μέγαλην σύνοδον (Diod. II. 40. 1); *mantripariśad* (Diod. II. 41. 4) – μέρος τὸ βουλευθὸν καὶ συνέδρεθὸν. Вторую часть данного названия – «γόνος» нужно возводить к «γύνομαι» и трактовать «*παλαιόγονοι*» как «рожденные в древности», что хорошо соответствует описанию долгожителей Шри-Ланки Мегасфеном. Место Шри-Ланки в греческой литературе рассматривается и в IV главе «Шри-Ланка в описании Страбона» (с. 43–50).

В главу «Дипломатическая миссия Шри-Ланки в Рим в I в. н.э.» (с. 51–63) Д.П.М. Веераккоди посвятил одному из интереснейших и наиболее важных и обсуждаемых² событий в истории римско-ланкийских отношений: прибытию на Шри-Ланку отпущенника Анния Плокама, описанному Плинием Старшим, ответному посольству некоего Рахия (Plin. NH. 6. 84–85) и находке в Восточной пустыне (Египет) греческо-латинской билингвы с упоминанием имени Анния

² Schwarz F.F. Ein singalesischer Prinz in Rom (Beobachtungen zu Plinius, n. h. 6. 81–91) // RM. 1974. 117. S. 166–176; Romanis F. de. Ancora a proposito di A.E. 1954, n. 121a (Addendum a Hk 28 (1988. P. 5–58) // Helikon. 1989–1990. 29–30. P. 369–371; *idem*. Romanukharat̥ṭha e Taprobane: sui rapporti Roma-Ceylon nel I sec. d.C. // Helikon. 1988. 28. P. 5–58 (= *idem*. Romanukharat̥ṭha and Taprobane: Relations between Rome and Sri Lanka in the First Century A. D. // Crossings... P. 161–237).

Плокама. Выводы автора весьма осторожны: вступая в дискуссию по вопросу, был ли отпущенник Анния Плокама, упомянутый как Плинием Старшим, так и в надписи из Восточной пустыни, одним и тем же лицом, он склонен дать утвердительный ответ. Тем не менее, со своей стороны мы могли бы предположить, что это были представители двух поколений одной семьи: существование такого рода «торговых кланов» прекрасно засвидетельствовано на примере семьи *Peticii*³. Без определенного ответа он оставляет вопрос о цели его путешествия вокруг Аравии. Нельзя не заметить, что дата упомянутой надписи явилась предметом детального анализа Ф. Де Романиса. Он показал, что ее следует датировать 5-м годом н.э., а не 6-м, как указано Д.П.М. Веераккоди со ссылкой на первого издателя надписи Д. Мередит⁴.

В главе VI «Точные сведения. Старое и новое в описании Плинием Шри-Ланки» (с. 65–77) Д.П.М. Веераккоди показывает, что Плиний Старший, составивший самое полное и достоверное описание Шри-Ланки, стремился привести свою информацию в соответствие с данными писателей предшествовавших поколений и современной ему информацией. Можно согласиться с автором в том, что информация, собранная Плинием о ланкийских посольствах в Рим, «...недавняя или современная. Как таковая, она заслуживает доверия и принятия, нежели быть отвергнутой» (с. 77). Насколько велико было влияние описания Шри-Ланки Плинием Старшим на европейскую литературу вплоть до эпохи Средних веков, автор показал в VII главе «Влияние Плиния на позднюю латинскую литературу о Шри-Ланке» (с. 79–83). Следующие восемь глав посвящены передаче представлений греческих и римских писателей об истории, географии и природе Шри-Ланки, ее месту в ойкумене в период поздней античности и ранние Средние века. Практически все упоминания Шри-Ланки, включая сомнительные и приписываемые, удостоены детальных комментариев.

Эта часть анализа древних источников о Шри-Ланке дополнена обзором нумизматических находок на острове (с. 151–171). Автор отдает себе отчет в том, что выводы, сделанные исключительно на основе монетных находок, должны рассматриваться как предварительные, так как раскопки продолжаются и постоянно приносят новые результаты: недавно были сделаны новые важные открытия⁵. Как показывает книга Д.П.М. Веераккоди, история отношений Шри-Ланки со Средиземноморьем достаточно хорошо известна и детально проанализирована на основе письменных источников. Новый нумизматический материал может и должен прояснить и уточнить этапы развития торговых связей между двумя мирами, и читатели вправе ожидать от Д.П.М. Веераккоди новых публикаций такого же высокого уровня.

* * *

Сборник статей «Происхождение и циркуляция иностранных монет в Индийском океане», изданный О. Бопераччи и Д.П.М. Веераккоди, состоит из двух частей: докладов, зачитанных на нумизматической секции «Происхождение и эволюция монет» и докладов, представленных на международном семинаре «Циркуляция иностранных монет и древние морские пути в Индийском океане», организованном Шри-Ланкийским обществом нумизматических исследований и Французской миссией археологического сотрудничества на Шри-Ланке при посредничестве Департамента археологических исследований на Шри Ланке в Коломбо 8–10 сентября 1994 г. Сборник представлен работами лучших специалистов-нумизматов, специалистов по античной, среднеазиатской и южноазиатской нумизматике из Британского музея, Кабинета медалей Французской национальной библиотеки и Национального центра научных исследований (Франция). Он дает четкое представление о современном состоянии вопроса о происхождении и циркуляции монет в античном мире и Южной Азии (с упором на Шри-Ланку) во все эпохи, а также вводит в научный оборот новейший материал и предлагает новейшие пути его интерпретации.

Первая часть тома открывается статьей Эндрю Барнетта «Происхождение и развитие греческой монетной чеканки» (с. 1–8). Автор призывает читателей пересмотреть основные вопросы и принципы нумизматического анализа на примере первых этапов истории монетной циркуляции и чеканки в античном мире. Он привлекает внимание к различию понятий «деньги» и «монета» в то время; он показывает, что в период ранней античности деньги имели иные функции, чем в настоящее время (например, деньги не использовались для совершения

³ *Tchernia A. Le dromadaire des Peticii et le commerce orientale // MEFRA. 1992. 104. 1. P. 293–301; idem. The Dromedary of the Peticii and Trade with the East // Crossings... P. 238–249.*

⁴ *Meredith D. Anniius Plocamus: Two Inscriptions from Berenice Road // JRS. 1953. 43. P. 38–40.*

⁵ *Bopearachchi O. Some Observations on roman Coins found in Recent Excavation at Sigiriya // Ancient Ceylon. 1990. 8. P. 20–37.*

ежедневных сделок). Он склонен думать, что различие видов ранней греческой чеканки может быть объяснено тем, что первые монеты выпускали частные лица. Э. Барнетт прослеживает различные этапы развития греческой чеканки; принципиальное изменение произошло с наступлением периода эллинизма с его новыми географическими и политическими горизонтами и введением городской чеканки и ответственностью за нее царя.

Тема статьи Кэтрин Гранжан – «Чеканка в греческом мире» (с. 9–14). Первая ее часть «Введение и развитие чеканки» посвящена появлению и развитию таких понятий, как денежное обращение, деньги и чеканка. Во второй части – «Особенности греческой чеканки» автор обращает внимание на использование электра для выпуска монет, введение золотых, серебряных и бронзовых монет, различные монетные легенды, их функции, различные типы монет, находившиеся в циркуляции.

Все основные проблемы, связанные с зарождением и развитием китайской монетной чеканки вплоть до начала XX столетия, рассмотрены в работе главного хранителя восточных монет Кабинета медалей Французской национальной библиотеки Франсуа Тьерри «Появление и развитие китайских монет» (с. 15–62). Это краткий очерк истории китайской чеканки, которую сопровождает каталог основных легенд (с. 37–44), основных монетных типов (с. 45–51) и глоссарий (с. 52–53). Очерк следует хронологическому принципу – от ракушек каури, имевших хождение в неолитический период и во время правления династий Шан и Чжоу, имитаций каури, введения бронзовых каури – важнейшего события в истории китайского монетного дела, развития монет в виде лопаток и ножей (отличительная черта чеканки в северо-восточных царствах) – и анализирует их основные разновидности вплоть до появления круглых монет и рождения наличных денег в эпоху династии Цинь. Специальная глава отведена анализу технологии производства китайских монет (с. 32–34).

Следующей вехе в истории мирового монетного дела – исламской чеканке – посвящена статья Венеции Портер «Исламские монеты – происхождение и развитие» (с. 63–71). Монетные выпуски имели исключительное значение для утверждения власти мусульманских правителей: они дают важнейшую информацию относительно имен правителей и претендентов на их трон, заполняют пустоты в хронологических схемах, выведенных из письменных источников. Автор рассматривает основные моменты в истории мусульманской чеканки: происхождение и развитие этой традиции (заимствования из сасанидской и византийской чеканки), аверсные и реверсные типы, источники золота и серебра, развитие легенд и иконографических символов.

До сих пор практически нет исследований о ранних подарочных и парадных европейских монетах – имеются в основном лишь каталоги. Публикация Бэрри Кука «Экспонаты: подарочные и парадные монеты в Европе в период раннего Нового времени» (с. 73–89) – один из первых опытов в этой сфере нумизматики. Монеты, имевшие в основном символическую ценность, бывшие показателем могущества, силы становились наградами и формами денежного премирования, способом передачи значительной суммы денег. Они не были нацелены на выполнение денежных функций, но – на увековечивание, дарение. Такие монеты являлись стандартом веса, чистоты сплава. Португальские, английские, голландские, швейцарские, германские, итальянские, скандинавские, балтийские короли, правители, епископы, герцоги выпускали такие монеты в XV–XVII вв. по всей Европе. Автор прослеживает историю стандартов, изображений, факторов, влиявших на развитие выпусков такого рода монет.

Новая страница европейской нумизматики – введение в оборот бумажных денег – описана в статье Виржинии Хьюитт «Богатство в бумажках, или как забывали бумажные деньги» (с. 91–106). Основная проблема, с которой пришлось столкнуться при выпуске бумажных денег, – завоевание доверия, и в этой статье затронуты не только чисто нумизматические, но и психологические аспекты проблемы. Во второй ее статье «Женщины как символ благосостояния: женские образы на бумажных деньгах» (с. 107–118), поднимаются как вопросы применения нумизматического материала в гендерных исследованиях, так и ведения государственной пропаганды с помощью символов на монетах и бумажных деньгах.

Завершающая публикация первой части тома «Клад и защита клада: закон о монетах и древностях в Британии» (с. 119–130), написанная Бэрри Куком, посвящена защите кладов от присвоения. Этот вопрос был особенно актуален на ранних этапах собирания монетных коллекций, когда принципы собственности на находки еще не были прочно утверждены и не было точного определения присвоения клада. Эту статью можно использовать в качестве историко-юридического справочника по принципам сложения таких юридических понятий, как «клад» и «собственность на клад», а не просто слиток.

Вторая часть тома открывается статьей Осмунда Бопераччи «Археологические свидетельства меняющихся моделей торговых связей древней Шри-Ланки» (с. 133–178), основанной как на уже опубликованном и хорошо известном материале, так и на новейшем из продолжающихся на Шри-Ланке раскопок. Основу источниковой базы составляют иностранные монеты, найденные на острове. Автор стремится пересмотреть установившиеся схемы и представить очерк ранних этапов торговых связей Шри-Ланки с внешним миром. Он выделяет характерную черту древних портов на западном и южном побережьях острова – их расположение в устьях рек. По мнению автора, начало торговой активности портов можно отнести к началу нашей эры (например, Нариягама, Келания, Диягама) и именно их расположение на берегах рек играло определяющую роль в развитии торговли. К этому времени уже имелись контакты с восточным побережьем Индии, о чем говорит значительный приток бус из этого региона. Культурные и религиозные связи были налажены с Северо-Западной Индией, откуда на Шри-Ланку пришел буддизм. Эти обстоятельства позволяют автору подвергнуть сомнению изоляционистскую концепцию развития Шри-Ланки⁶. По его мнению, еще в III в. до н.э. древние мореходы имели представление о возможности плавания вокруг Шри-Ланки и риск кораблекрушения не был для них препятствием. Восточное побережье Индии можно было достигнуть через Маннарский пролив; торговцы из Восточной Индии были в состоянии достичь западное и южное побережья острова в поисках специй, драгоценных камней и других товаров.

В статье был поднят следующий принципиальный вопрос: явились ли торговые связи Шри-Ланки и Южной Индии плодом посреднической деятельности южноиндийских мореходов, осуществлявших поставки ланкийских товаров для средиземноморских купцов, находившихся в Индии (с. 158). Данные, представленные самим автором, позволяют на него ответить: связи между островом и Южной Индией, безусловно, существовали и до прихода греков римлян, но их появление в значительной степени укрепило уже установленные связи, было дополнительным фактором, стимулировавшим их развитие.

Относительно монет, найденных на острове, О. Бопераччи полагает, что они принимались как средство платежа и их привозили торговцы из разных регионов, что эти монеты должны были соответствовать номинальной стоимости товаров, за которые ими платили.

Как показал Э. Барнетт в следующей статье («Римские монеты из Индии и Шри-Ланки»), нумизматические данные нужно использовать с осторожностью, так как не всегда ясно как и когда монеты могли попасть в тот или иной регион: не всегда время их появления где-либо совпадало со временем их чеканки и изъятия из обращения. Автор совершенно прав в том, что это лишь пролог (но очень информативный) к более детальному исследованию торговых связей Шри-Ланки в древности. Данную статью можно сопроводить следующими краткими замечаниями: публикация «Перипла Эритрейского моря» Вилфридом Харвеем Шоффом – не лучший из доступных переводов и многие предложенные им идентификации индийских портов, упомянутых в этом источнике, или неточны или, по крайней мере, не единственно возможны (с. 139–140). Так, помимо Поннā ни, Тиндис может быть отождествлен с *Toṇḍi* (*Toṇṭi*), упоминаемым в тамильской литературе (*PuRam*. 17. 13; 48. 4; *AṅguRunūRu*. 178. 3; *PadiRRupatu*. 6, *Padigam*)⁷; Музирис – не только с Кочин, но и с Мангалуру⁸; Бакарē – Вайкарай⁹ или Дварак¹⁰.

Анализ как хорошо известных данных, так и новейших находок представлен в уже упомянутой статье Э. Барнетта «Римские монеты из Индии и Шри-Ланки» (с. 179–189), нацеленной

⁶ *Rasanayagam C.* The Tamil Kingdom of Jaffna and the Greek Writers // *JRAS*. CB. 1922. 29 (75). P. 17–54; 56–61; *Nicolas C.W.* The Northwest Passage between Ceylon and India // *UCR*. 1961. 19. 1. P. 1–9; *Deloche J.* Études sur la circulation en Inde. IV. Notes sur les sites de quelques ports anciens du pays tamoul // *BEFEO*. 1985. 74. P. 141–166; *Silva R.* Mantai – the Great Emporium of Cosmas Indicopleustes (Paper Delivered to Participants of the Maritime International Silk-Route Seminar, Colombo, 12th–14th Dec. 1990) // *Ancient Ceylon*. 1990. 14. P. 1–14.

⁷ *Sivaraja Pillai V. N.* The Chronology of the Early Tamils, Based on the Synchronistic Tables of their Kings, Chieftains and Poets, Appearing in the Sangam Literature. Madras, 1932. P. 137, 157, 178; *Meile P.* Les Yavanas dans l'Inde tamoule // *JA*. 1940–1941. 232. P. 96; *Sreendra Menon A.* A Survey of Kerala History. Kottayam, 1967. P. 60.

⁸ *Lassen Ch.* Indische Alterthumskunde. Bd III. Lpz., 1857. S. 4, 55, 57, 67.

⁹ *Smith V. A.* The Early History of India from 600 B.C. to the Muhammadan Conquest. 4th ed. Oxf., 1924. P. 468.

¹⁰ *Bloch J.* Sur quelques transcriptions de noms indiens dans le Périples de la Mer Éythree // *Mélanges d'indianisme offerts par ses élèves à M.M. Sylvain Lévi le 29 Janvier 1911 à l'occasion des vingt-cinq ans écoulés depuis son entrée à l'École Pratique es Hautes Etudes*. P., 1911. P. 3; *Lévi S.* *Kaniṣka et Sā tavāhana* // *JA*. 1936. 228. P. 72.

на пересмотр доступного материала, его интерпретацию (датировка, механизма, по которому они поступали из Средиземноморья) и приведение всего материала в соответствие с исторической ситуацией. Автор призывает учитывать археологический контекст, сопутствовавший находкам монет: их могло быть немного, они могли попасть в ту или иную область через посредников, так что многие исторические выводы, сделанные на одном только нумизматическом материале, могут оказаться ошибочными. Например, автор прав, полагая, что республиканские монеты поступали в Индию не ранее I в. н.э. и что «...монеты, поступавшие из Рима в Индию, не выбирались беспорядочно из монет, находившихся в обращении, но они были специально отобраны для торговли с Индией» (с. 181). По мнению автора, золотые и серебряные клады римских монет периода ранней Империи из Индии на первый взгляд существенно различаются: имеется довольно много золотых монет Тиберия, Клавдия и Нерона, и это неудивительно, так как чеканка серебряной монеты при этих императорах не имела значительных масштабов. Этот факт лишь свидетельствует о том, какие монеты находились в обращении в Риме в то время. В целом, как считает Э. Барнетт, «...имеются черты сходства между серебряными и ранними золотыми кладами: и те, и другие выборочные ... и включают выборки, составленные одним и тем же способом и относящиеся к одному и тому же периоду ... и те, и другие часто включают стертые монеты и происходят из одних и тех же районов, особенно из Тамилнаду» (с. 182). Во II в. н.э. ситуация изменилась: территория находок монет включает Андхра Прадеш, Тамилнаду и Кералу. Нет данных, которые говорили бы об обороте монет определенного типа, сами они, как правило, в лучшем состоянии. В следующий период – после 200 г. н.э. – импорт римских монет прекращается почти на столетие и возобновляется в IV в. н.э. Затем начинается импорт бронзовых монет, так называемых «Third Brass», на Шри-Ланку, продолжавшийся в IV–V вв. н.э. Такова общая схема импорта римских монет в Индию, представленная автором. В том, что касается датировки монет и реконструкции на их основе торговых отношений между Средиземноморьем и Южной Азией, – автор предостерегает против подхода П. Бергхауса и П. Тёрнер, заключающегося в датировке кладов монет временем выпуска самих монет. Этот подход мог бы быть правильным, если обратиться к золотым монетам II в. н.э. и монетам IV–V вв. н.э. Относительно римских денариев, у автора нет данных, что денарии прибывали в Индию при Августе, как предположили П.Л. Гупта и П. Тёрнер.

По нашему мнению, более вероятно, что они начали прибывать в Индию после монетной реформы Нерона 63 г. н.э., но до 96 г., когда большая часть денариев Августа и Тиберия была изъята из обращения. Можно было бы заметить, что монеты могли прибывать из Рима в Индию только после их изъятия из обращения, когда в них более не было нужды в самом римском государстве. В пользу этого говорит и то, что в Индии их воспринимали как слиток «на вес». С другой стороны, греко-римские торговцы должны были расплачиваться за покупаемые в Индии товары. Платежным средством могли служить как римские монеты, так и местная валюта, меняемая на римские деньги. О том, что обмен имел место, говорит, например, «Перипл Эритрейского моря» (49: 16. 24). Если абсолютизировать первую точку зрения, то пришлось бы признать, что римские торговцы привозили с собой только вышедшую из употребления монету, которую предварительно пришлось бы долгое время копить. Более логичным выглядит предположение: в Индию попадала как специально отобранная вышедшая из употребления монета, так и современная прибывавшим в Индию торговцам.

Говоря о механизме транспортировки римской монеты в Индию, Э. Барнетт признает, что имели место разовые случайные отгрузки, а не регулярные поставки. Этот процесс был интенсифицирован частыми монетными реформами в Риме в IV–V вв. Другим принципиальным положением автор считает то, что позднеимперские медные монеты использовались в Индии и Шри-Ланке в качестве средства платежа, а более ранние – золотые и серебряные – не для ежедневных нужд торговли, а как средство накопления, для ритуальных депозитов и в качестве ювелирных украшений. Автор сформулировал чрезвычайно важное утверждение: данные монетных находок не могут быть использованы как показатель интенсивности римско-индийской торговли. В противовес общепринятой точке зрения об отсутствии прямых контактов между Римом и Шри-Ланкой, Э. Барнетт полагает, что отсутствие римских золотых монет первых веков нашей эры на острове лишь означает, что в то время золото не использовалось в торговом обмене. Мы также не можем считать на основе большого количества монет Августа и Тиберия в Индии, что торговые связи в период их правления были интенсивными. Можно предположить, что эта статья Э. Барнетта еще долго будет обсуждаться в печати, так как в ней затрагиваются базовые принципы анализа нумизматического материала для реконструкции истории средиземноморско-южноазиатских торговых связей.

История нумизматических находок на Шри-Ланке продолжена каталогом китайских монет, представленным Ф. Тьерри – «Китайские монеты из Яфува в коллекции музея Анурадхапуры» (с. 191–197). И его же статьей «Морские шелковые пути и клады китайских монет» (с. 199–223). Автор рассматривает торговые пути, связывавшие в древности Китай и Шри-Ланку, а также клады китайских монет, найденные на острове, самые ранние из которых относятся ко времени правления династии Тан: их типы, датировка, отличия от других иностранных монет, в частности от японских и вьетнамских.

Анализ иноземных монет, происходящих с острова, продолжен статьей Венеции Портер «Исламские монеты, найденные на Шри-Ланке» (с. 225–240). Автор не претендует на исчерпывающий анализ проблемы, указывая, что число монет «...в настоящее время слишком незначительно и места их находок слишком случайны, чтобы составить представление об объеме торговли. Можно надеяться, что будущие находки монет исламского периода расширят наши познания в этой сфере» (с. 233).

Последние две статьи посвящены нумизматическим связям Шри-Ланки с Европой. В публикации Бэрри Кука «Ранние европейские монеты для Шри-Ланки» (с. 241–254) представлен очерк первых европейских монетных выпусков для острова. Рецензируемый том завершается статьей Виржинии Хьюитт «Валюта для колонии: цейлонские бумажные деньги, напечатанные в Англии» (с. 255–272).

М. Д. Бухарин

© 2003 г.

J. NELIS-CLÉMENT. *Les beneficiarii: militaires et administrateurs au service de l'Empire* (Ier s. a.C.–VIe s. p.C.). Bordeaux, 2000 (Ausonius-publications. (tudes 5). 557 p., ill.

Изучение отдельных ранговых групп рядового и командного состава, системы чинов, структуры и типов военных карьер уже давно является одним из магистральных направлений в историографии римской императорской армии. Военную иерархию интенсивно исследуют в самых разнообразных ее аспектах и в контексте многих смежных тем, относящихся к социальной и политической истории Рима¹. Огромный поток специальной литературы, включающий ряд солидных монографических трудов², показывает, насколько далеко – с точки зрения исследовательских подходов – шагнула вперед современная наука со времени выхода основополагающего труда Альфреда фон Домашевского³. Неослабевающий интерес к данной теме

¹ Из работ недавнего времени можно указать следующие: La hiérarchie (Rangordnung) de l'armée romaine sous le Haut-Empire. Actes du Congrès de Lyon (15–18 septembre 1994) / Ed. Y. Le Bohec. P., 1995; *Wesch-Klein G. Soziale Aspekte des römischen Heeres in der Kaiserzeit.* Stuttgart, 1998; *Kaiser, Heer und Gesellschaft in der römischen Kaiserzeit: Gedenkschrift für Eric Birley / Hrsg. von G. Alföldy, B. Dobson, W. Eck.* Stuttgart, 2000 (раздел II «Die einzelnen Ranggruppen des Heeres und ihre soziale Beziehungen»). Обзоры важнейшей проблематики и библиографические указания см. *Dobson B. The «Rangordnung» of the Roman Army // Actes du VIIe Congrès Intern. d'Épigraphie grecque et latine (Constanza, 1977).* Bucures – Paris, 1979. P. 191–204; *idem. The Bibliography of Rangordnung // La hiérarchie (Rangordnung)...* P. 41–47; *Le Bohec Y. Pour servir à l'étude de la hiérarchie dans l'armée romaine du Haut-Empire // Ibid.* P. 11–15.

² См., например: *Clauss M. Untersuchungen zu den principales des römischen Heeres von Augustus bis Diokletian. Cornicularii, speculatores, frumentarii.* Diss. Bochum, 1973; *Dobson B. Die Primipilares. Entwicklung und Bedeutung, Laufbahnen und Persönlichkeiten eines römischen Offiziersranges.* Köln – Bonn, 1978. Весомый вклад в изучение Rangordnung'a принадлежит таким специалистам, как E. Birley, H. Devijver, D. Breeze, M.P. Speidel. Важнейшие их работы разных лет изданы в виде отдельных сборников в серии «Mavors. Roman Army researches»: *Birley E. The Roman Army: Papers 1929–1986.* Amsterdam, 1988 (Mavors. IV); *Devijver H. The Equestrian Officers of the Roman Imperial Army.* I. Amsterdam, 1989 (Mavors. VI); *idem. The Equestrian Officers of the Roman Army.* II. Stuttgart, 1992 (Mavors. IX); *Breeze D., Dobson B. Roman Officers and Frontiers.* Stuttgart, 1993 (Mavors. X); *Speidel M.P. Roman Army Studies.* I. Amsterdam, 1984 (Mavors. I); *idem. Roman Army Studies.* II. Stuttgart, 1992 (Mavors. VIII).

³ *Domaszewski A. von. Die Rangordnung des römischen Heeres.* Bonn, 1908. Труд этот переиздавался дважды: в 1968 и 1981 гг. Особенно ценно последнее издание: *idem. Die Rangordnung des römischen Heeres / Einführung, Berichtigungen und Nachträge von B. Dobson.* 3. unveränderte Aufl. Köln – Wien, 1981.